

Порыв целого поколения

Для тех, кто рос и формировался в дни расцвета творческого гения Горького, у кого самые яркие воспоминания молодости связаны с чтением первых его произведений, кто начинал свою сознательную жизнь в дни «молодости Горького», в дни звучания «Песни о соколе» и «Буревестника», — для тех особенно тяжела утрата Алексея Максимовича.

Почти все молодые писатели моего поколения обратились к Алексею Максимовичу с просьбой помочь им в их литературных начинаниях. Из моих сверстников обратились к нему и А. С. Новиков-Прибой, Павел Изюмов. Ляшко и многие другие затрагивающие и опытные писатели, с которыми мне приходилось вместе работать в начале девятисотых годов. Я также посылал ему на остров Капри свои рассказы с просьбой указать на их недостатки. Всего только месяц уходило на то, чтобы отосланное произведение дошло до Капри, было там прочтано и разобрано Алексеем Максимовичем и опять, вместе с подробным письмом, возвращено мне, в Москву.

Но однажды я послал уже напечатанный в журнале «Живое слово» в 1913 г. рассказ «Чудо», в котором избрал молодого монаха, порывающего с монастырем, усумнившегося в божестве и ушедшего на завод, чтобы жить настоящей, адовой, трудовой жизнью. Написан рассказ был в патетическом, модернизированном стиле.

И вот я получало от А. М. Горького большое письмо с жесточайшей критикой моего рассказа. Он писал: «Зачем вам понадобилась эта витиеватая, тохойлая на церковный акафист, форма, когда содержание вашего рассказа самое простое и современное? Другое дело, если бы вы списывали мистическое настроение своего героя, где монастырь побеждает, берет перевес. У вас же герой — против монастыря, хочет быть рабочим, следовательно, и стиль изложения должен быть бодрым, четким, ясным. И напрасно вы напечатали этот рассказ».

Хорошо помню, какое огромное впечатление произвело на меня и на моих товарищей это письмо. Мы впервые задумались над значением формы, над ее соответствием содержанию.

Мне приходилось видеть Алексея Максимовича еще в 1903 году, в редакции газеты «Курьер» (Москва).

Светло становится на душе, когда вспоминаешь его молодое, энергичное, дышащее уверенностью и задором лицо в эти дни, предшествовавшие революции 1905 года. За этой уверенной улыбкой скрывались горячие мечты, порывы ввысь, вперед, энергия, дерзость, воля целого поколения.

То, о чем пел «Буревестник», ныне стало несокрушимой былью, и с этой былью навеки связано имя великого пролетарского писателя Максима Горького!

В. КОСТЫЛЕВ.